

библейской формулой, обычной в „воинском“ стиле древне-русских писателей: „един бяшешя с тысящею, а два с тьмою“. Родство „Казанской истории“ с народным творчеством не в том только, что она вводит фольклорные эпизоды, а в числе художественных средств использует и устную поэтику, а в том, что ее автор сошелся с народной исторической песней и сказкой в самой оценке личности Ивана Грозного, который „праведен суд судити научи“, „многих велмож устраши, от лихоимания и неправды обрати“. Именно эта оценка и вовлекла в пышную речь „красной и сладкой“ повести о взятии Казани художественные средства фольклора.

Так, установление внутреннего родства древне-русской литературы, в ее лучших образцах, с фольклором вскрывает характер ее народности. Исследование связи литературы и фольклора, независимой от какого бы то ни было прямого „влияния“ и выражающейся в общности их отношения к действительности, приводит и к вопросу о сходстве самого художественного метода отражения этой действительности у писателя и народного поэта.

Например, некоторым памятникам литературного эпоса, как и устному эпосу русского средневековья, одинаково свойственна гиперболизация действительности, за которой стоит определенная оценка реальных фактов. Этот своеобразный метод художественного отражения действительности выполняет различные функции и должен быть изучен во всех его многообразных проявлениях как в литературе, так и в фольклоре. Образы князей Слова о полку Игореве, к которым обращается автор с призывом выступить „за землю Русскую“, представлены с блестящим знанием политической обстановки конца XII в., и вместе с тем они гиперболизированы, чтобы подчеркнуть силу, могущество, власть этих князей — все то, что должно было, по мысли автора, объединиться для борьбы с наступающей „степью“. Гиперболизированные воинские картины усиливают впечатление от трагического столкновения русских дружин с половецкими войсками. Евпатий Коловрат в рязанской повести, бесстрашно разъезжающий среди огромной батыевой рати, „исполни силою“, который „многих нарочитых багатырей батыевых побил, овых на полы пресекаше, а иных до седла крояше“, богатырь, на которого „навадиша множество пороков“ и только тогда, когда „начаша бити по нем ис тмочисленных пороков, едва убища его“, — это такой же гиперболизированный образ, как и Всеволод Слова о полку Игореве, способный „Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти“, как, с другой стороны, и герои устного эпоса и сказки, в одиночку борющиеся против чудовищ и полчищ врагов. Илья Муромец и Иван царевич, одолевающие любую силу, — это обобщенные образы, доказывающие превосходство защитника перед захватчиком, человеческого ума, смелости — над неразумной „колдовской“ силой. Так и в литературе условно преувеличенные образы могут выражать активное отношение к жизни, веру в силы, способности и моральные достоинства человека. Такой вид гиперболизации действительности в литературе созвучен подлинно народному творчеству.